

ГОРОДА И ИХ ХРАНИТЕЛИ

Мистический Мценск

дом, которого не было

Прогулка с Хранителем

АНАТОЛИЙ БЕВЗА

Анатолий Бевза

Мистический Мценск: дом, которого не было

<https://litres.ru/74490229>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что если вымышленная героиня обрела реальный адрес?

Вторая книга серии «Города и их хранители» отправляет вас в автомобильное путешествие из Орла в Мценск с загадочным Хранителем. Вы увидите два дома на улице Ленина, 8 и 10, которые городская молва связала с Катериной Измайловой. Но Лесков не назвал адреса. Где правда, а где миф?

Хранитель поможет отделить факты от вымысла, не убивая красоту легенды. Вы узнаете, как повесть превратилась в оперу Шостаковича, почему первая редакция была спрятана и возвращена, и как литература становится частью городской памяти.

Это не просто путеводитель, а честное исследование, где точность и красота идут рядом. Для всех, кто любит историю, литературу и честные ответы.

Содержание

Перед дорогой	4
Вступление. Поехали искать дом	6
I. Нашего уезда	12
II. Город до Катерины	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Анатолий Бевза

Мистический Мценск: дом, которого не было

Перед дорогой

Эта поездка начинается в Орле и уходит в Мценск - примерно на пятьдесят километров к северу. Ты едешь вместе с тем же вымышленным Хранителем, с которым уже прошёл Орёл пешком. На этот раз ритм другой: часть разговора происходит в машине, часть - в Мценске, у реальных городских объектов.

Исторические и литературоведческие сведения опираются на проверяемые источники. Текст Николая Лескова остаётся художественным текстом. Церковное предание называется преданием. Поздняя городская легенда - легендой. Реальное здание не становится «домом Катерины Измайловой» только потому, что так удобнее экскурсии.

Главный спор поездки связан с двумя соседними домами на улице Ленина, 8 и 10. Оба здания реальны, оба имеют документированную историю, а городская легенда о «доме леди Макбет» существует рядом с ними. Книга не обещает разгадать то, чего источники не разгадали.

Режим работы музеев, доступ к храмам и использование исторических зданий меняются. Перед поездкой проверь актуальные часы и статус объектов. Дом № 10 на улице Ленина во Мценске на момент редакции используется действующим подразделением полиции; дом № 8, по актуальным справочным данным, также связан с участковым пунктом. Эти здания не являются музейными интерьерами.

И ещё одно. Здесь будут убийства - литературные, а не документально доказанные мценские. Мы не превращаем трагедию в аттракцион и не ищем «настоящую леди Макбет» там, где её никогда не было в архиве.

Вступление. Поехали искать дом

Ты вернулся.

Я замечаю это раньше, чем ты успеваешь сказать что-нибудь довольное.

- Не начинай.

- Я ничего не сказал.

- Именно поэтому и не начинай.

Мы стоим у Дома-музея Николая Лескова в Орле. Октябрьское утро холодное. Дверь музея ещё закрыта, и на крыльце лежит тонкий слой изморози - ночного холода хватило, чтобы камень поседел. Ты стоишь в куртке, подняв воротник, и дышишь паром.

В прошлую прогулку я подвёл тебя к памятнику писателю и вовремя остановил: Мценск, Катерина Измайлова, «Леди Макбет» - всё это было оставлено на следующую дорогу.

Ты, судя по всему, решил проверить, не забуду ли.

Не забыл.

Сегодня пешком не получится.

- Далеко?

- Около пятидесяти километров.

- Это ты считаешь далеко?

- Я осторожен со словом «далеко». Особенно в старых городах.

Дом-музей стоит на месте городской усадьбы отца Леско-

ва. Внутри - личные вещи писателя, книги, документы, мемориальные предметы. Но сегодня нам важнее одна странность: начинать поездку к вымышленной женщине удобнее всего у настоящего дома настоящего писателя.

Ты смотришь на фасад.

- А потом будет настоящий дом вымышленной женщины?

Вот поэтому я и согласился ехать.

- Именно это мы и проверим.

Ты улыбаешься.

Я нет.

В Мценске есть адреса, которые десятилетиями связывают с Катериной Измайловой. Есть дом, внесённый в городской реестр наследия как дом купца Измайлова. Есть соседний дом купца Свечкина, который городская легенда упорно тоже называет «домом леди Макбет». Есть экскурсии, статьи, рассказы жителей, полицейские кабинеты за старинными стенами и литературная героиня, которой Лесков не дал ни номера дома, ни названия улицы.

Для одного дня вполне достаточно.

- Ты уже знаешь ответ?

- На какой вопрос?

- Где она жила.

- Она?

Ты молчишь секунду.

Потом поправляешься:

- Где по легенде считают, что она жила.

Вот теперь можно ехать.

Мне нравится, что после первой прогулки ты начал редактировать собственные вопросы. Это полезнее половины исторических дат.

Перед тем как сесть в машину, я прошу тебя сделать одну вещь.

Возьми текст Лескова.

Не путеводитель по Мценску. Не статью про прототип. Не страницу с фотографиями «дома леди Макбет».

Сам текст.

Ты показываешь телефон.

- Есть.

- Хорошо. Только не ищи по слову «Ленина».

- Почему?

- Потому что ничего хорошего из этого не выйдет.

Мы садимся в машину. Салон холодный. Ты включаешь печку, и через минуту воздух начинает пахнуть нагретой пылью и старой обивкой. За окнами Орёл ещё держит нас улицами, светофорами, знакомыми поворотами. Потом плотная городская ткань начинает редеть. За бортом - бурые поля, мокрая от дождя трава, редкие перелески. Осень в этом году поздняя: листва ещё держится, но уже потеряла яркость и стала тусклой, почти коричневой.

В прошлый раз мы учились смотреть на город через места. Теперь задача сложнее.

Нам придётся смотреть на место через текст.

И всё время помнить, что текст имеет право не совпадать с картой.

- Значит, едем доказывать, что дома нет?

- Нет.

- Что дом есть?

- Тоже нет.

- Очень полезная поездка.

- Подожди. Мы ещё даже не доехали до Мценска.

Перед дверью музея ты всё-таки задерживаешься.

- Внутрь зайдём?

- Если режим работы позволяет - да. Но поездка не должна зависеть от того, открыт музей сегодня или нет.

Это важное правило. Дом-музей помогает увидеть Лескова не абстрактным именем на обложке, а человеком со своей орловской биографией. Но Мценск существует независимо от музейного расписания, а наш главный вопрос лежит вообще в другом месте.

Я прошу тебя запомнить три уровня, которые весь день будут пытаться поменяться местами.

Первый - то, что написал Лесков.

Второй - то, что можно установить о реальном Мценске и его домах.

Третий - то, что город потом начал рассказывать о Лескове и его героине.

- И если они совпадут?

- Отлично.

- А если нет?

- Ещё интереснее.

Ты шуришься.

- Для тебя.

- Для истории.

Я не обещаю, что к вечеру ты получишь красивую разгадку. Наоборот: если всё пойдёт правильно, вопросов станет больше, но они будут точнее.

Это звучит не слишком заманчиво для рекламного буклета.

Зато честно.

У машины ты снова проверяешь, взял ли телефон, воду и текст Лескова. Я ничего не комментирую.

- Что?

- Ничего.

- Ты явно хотел сказать про телефон.

- Мы прошли этот этап в Орле.

- Значит, вырос?

- Не преувеличивай.

Ты садишься. Двигатель заводится с низким, почти недо-вольным звуком. Я - рядом.

В прошлую прогулку город всё время был перед глазами. Здесь между двумя городами будет ещё и дорога - пространство, где не на что указать пальцем и сказать: «вот доказательство».

Поэтому разговор начнётся раньше, чем Мценск появится

за окном.

И, возможно, это правильно.

Литературная легенда тоже начинается не с дома.

Сначала кто-то пишет текст.

Потом кто-то читает.

И только потом появляется желание найти дверь.

На дороге удобно разговаривать о литературе. Никто не требует стоять перед памятником и делать вид, что каждая фраза родилась именно от него.

Я открываю разговор с самого неудобного факта.

Когда Лесков впервые отправил эту вещь в журнал «Эпоха», в декабре 1864 года, она называлась не «Леди Макбет Мценского уезда».

А «Леди Макбет нашего уезда».

Ты поворачиваешься ко мне.

- Тогда почему мы едем именно в Мценск?

- Хороший вопрос.

- Ты специально ждал?

- Разумеется.

За окном дорога уходит на север. Ветер гонит по асфальту мокрые листья. Мценск пока ещё впереди.

А главный адрес нашей поездки уже начал исчезать.

I. Нашего уезда

Машина хороша тем, что не даёт литературному названию притвориться географией.

Мы едем в Мценск, а я рассказываю тебе про Киев.

Именно из Киева 7 декабря 1864 года Лесков отправил Николаю Страхову рукопись «Леди Макбет нашего уезда» для журнала «Эпоха».

Серия не состоялась.

Первая вещь осталась одна и со временем стала выглядеть так, будто с самого начала была написана именно ради Мценска.

Но это не так.

В январском номере «Эпохи» за 1865 год произведение вышло под первоначальным заглавием. Формула «Мценского уезда» появилась в сборнике 1867 года, когда Лесков заметно переработал журнальный текст.

Ты листаешь экран. Дорога ровная, но на поворотах телефон чуть дрожит в руке.

- То есть Мценск появился через два года?

- В заглавии - да.

- А в самом тексте?

Вот здесь начинается самое интересное.

Лесков пишет так, будто рассказывает известную местным историю. Рассказчик уверен в среде: купеческий дом,

свёкор, муж, приказчик, хозяйство, скука молодой женщины, отлучки мужа, люди вокруг. Всё звучит достаточно конкретно, чтобы читатель поверил в почти документальный случай.

Но попробуй построить по очерку маршрут.

Номер дома?

Нет.

Название улицы?

Нет.

Конкретный храм?

Нет.

Точка на карте, где можно поставить булавку?

Тоже нет.

География присутствует иначе. В тексте возникают признаки уездного мира, знакомого Лескову по Орловщине и его жизненному опыту. Но художественная точность - не кадастровая.

- А зачем тогда «Мценского»?

- Ответа, который можно было бы предъявить как авторское объяснение, у нас нет.

Можно строить версии. Можно говорить, что Мценск хорошо вписывался в лесковскую орловскую географию. Можно замечать, что название звучит очень конкретно и усиливает эффект «это было где-то рядом». Можно вспоминать его собственный опыт службы в Орловской палате уголовного суда, знание купеческой среды, уголовных историй, мест-

ных характеров.

Но нельзя открыть письмо и прочитать: «Я выбрал Мценск потому-то».

Такого документа я тебе не покажу.

- А прототип?

Ты начинаешь быстрее меня.

Хороший признак.

Лесков сам вспоминал одно сильное детское впечатление: молодая невестка убила старика, влив ему в ухо расплавленный сургуч. Он помнил и наказание женщины. Комментаторы связывают этот эпизод с эмоциональной памятью, отразившейся в «Леди Макбет».

Кроме того, ещё до этой вещи Лесков писал о тюремном быте и видел человеческие судьбы не из романтической дали.

Но из этого не получается паспорт Екатерины Львовны Измайловой.

- То есть реальной Екатерины нет?

- Точнее: у нас нет надёжно установленного реального прототипа, которого можно было бы назвать Екатериной Измайловой и поставить в центр этой истории.

- Уже лучше.

- Ты становишься неприятно внимательным.

- У кого учусь.

Я отворачиваюсь к окну. За стеклом - мокрая обочина, кусты, низкое небо. Отсюда действительно лучше видно.

Ты замечаешь.

Ничего не говоришь.

Вот за это спасибо.

Лесковское определение «очерк» здесь работает почти как ловушка. Современному читателю слово обещает наблюдение, случай из жизни, документальную почву. Но очерк у Лескова остаётся художественной прозой. Он может быть построен на реальных впечатлениях и типах, но персонажи и события проходят через авторское создание.

Поэтому не будем превращать поездку в охоту за прототипом.

Если мы заранее решим, что Катерина существовала буквально, то каждый старый купеческий дом во Мценске начнёт выглядеть подозреваемым.

- А если всё-таки существовала похожая история?

- Могла.

- В одном из этих домов?

- Могла.

- Значит, мы ничего не исключаем.

- Мы не выдаём возможность за факт. Это не одно и то же.

Ты вздыхаешь.

В первой прогулке на этом месте я бы прочитал тебе целую речь.

Теперь достаточно одного предложения.

Прогресс есть у обоих.

У слова «очерк» есть ещё одна неприятная особенность:

оно само подталкивает читателя к поиску реального случая.

Но жанровая этикетка не превращает художественный текст в судебный протокол.

Лесков в письме Страхову действительно называл будущую публикацию очерком и ставил её первой в задуманной серии женских характеров. Уже одно это показывает, что его интересовал не один «мценский уголовный случай», который надо было пересказать с точностью следствия. Он собирался работать с типами, характерами, средой.

- Значит, Катерина - тип?

- Художественный персонаж. Слово «тип» оставим авторскому замыслу серии.

- Опять осторожность.

- Особенно там, где одно удобное слово начинает делать работу пяти источников.

Ты снова открываешь текст. Машина идёт ровно, и строчки на экране чуть подрагивают.

Первая фраза сама устроена как рассказ о человеке, которого будто бы «в наших местах» помнят давно. Этот приём создаёт близость: не где-то в романе, а здесь, среди людей, которые могли бы знать семью и пересказывать историю.

Но рассказчик - часть художественной конструкции.

Он не нотариус.

Если забыть это, всё дальнейшее становится слишком простым: раз «наши места», значит надо найти реальные фамилии; раз Измайлова, значит искать купцов Измайловых;

раз Мценский уезд, значит один из старых домов обязан быть тем самым.

Литература редко подписывает такой договор.

Мы некоторое время едем молча. За окном проплывают деревни - тёмные дома, мокрые крыши, одинокая фигура у автобусной остановки.

Потом ты спрашиваешь:

- А Лесков сам бы удивился, что в Мценске ищут дом?

- Не знаю.

- Даже предположить нельзя?

- Можно предположить всё что угодно. Только не выдавать предположение за ответ автора.

- Скучно с тобой.

- Зато меньше шансов поссориться с мёртвым писателем от его имени.

Ты смеёшься.

Пока Мценска ещё нет перед глазами, легче заметить разницу между литературной географией и адресом: писатель собирает узнаваемое пространство из реальных деталей, а читатель потом пытается найти эти детали в городе.

Дорога идёт дальше. Впереди - поворот на Мценск. Пока ещё не видно.

Я предлагаю тебе ещё одну проверку.

Представь, что Лесков сохранил первоначальное название: «Леди Макбет нашего уезда».

Тогда сегодня туристы в Мценске искали бы её дом?

Ты думаешь. Дольше, чем я ожидал.

- Возможно, нет.

- Вот.

Одно редакционное изменение заглавия через полтора столетия начинает влиять на городской маршрут.

Отсюда и тема дороги: не только то, как литература описывает место, но и то, как место потом начинает жить по литературе.

Мценск появляется впереди не как декорация Лескова.

Сначала мы дадим ему возможность быть городом без Катерины.

И только потом спросим, зачем ему понадобился её дом.

II. Город до Катерины

Мценск лучше всего портит литературную самоуверенность одним фактом.

Он старше «Леди Макбет» примерно на семь веков.

Мы начинаем не с улицы Ленина.

И даже не с дома, который ты уже мысленно ищешь.

Сначала - краеведческий музей.

Мценский городской краеведческий музей имени Г. Ф. Соловьёва находится на улице Тургенева. Его история сама по себе длинная: первый городской музей возник в 1919 году, погиб во время войны, а в 1960-м был открыт заново усилиями краеведа Георгия Соловьёва. В современной экспозиции есть темы крепости, введения христианства, ремёсел, торговли, культовых сооружений.

То есть всё то, что существовало до того, как одна литературная героиня начала захватывать туристическое внимание.

- Ты ревнуешь?

- К Катерине?

- К популярности.

- У старых городов это обычная судьба: люди выбирают одну красивую историю из двадцати сложных. Я привык.

Это почти правда.

В музее пахнет старым деревом и пылью. Свет падает из

высоких окон, и в нём медленно кружатся пылинки. Мы ходим по залам не спеша.

Мценск впервые упоминается в летописной традиции под 1146 годом. Древнее поселение располагалось на высокой горе Самород, на левом берегу Зуши, при впадении Мецны. Город переживал нападения, переходил под власть Литвы, вошёл в состав Московского государства. В XVI-XVII веках мценская крепость была крупным оборонительным узлом южного рубежа.

В городской истории есть всё, что обычно требуется для серьёзного путеводителя: археология, крепость, реки, войны, монастыри, торговля, ремесло.

И только после этого - Лесков.

Ты подходишь к экспозиции, связанной с городской крепостью. За стеклом - тёмные черепки, наконечники стрел, ржавые гвозди.

- Значит, Самород?

- Да.

Мы выходим. Воздух на улице сырой и холодный, пахнет мокрым камнем и дымом. Теперь можно на гору.

Современная гора Самород не обязана выглядеть как готовая реконструкция крепости. Это вообще вредная привычка туриста: если написано «крепость», человек требует башню.

Здесь важнее рельеф.

Гора поднимается над Зушей. У её основания сходятся

водные и сухопутные направления, которые объясняют стратегическую ценность места лучше театральной стены. Археологический памятник на Самороде включает слои разных эпох; «Мценское наследие» относит городище к памятникам федерального значения и указывает древние слои середины I тысячелетия и XI-XIII веков.

Я не заставляю тебя угадывать вал там, где его современный вид не позволяет говорить уверенно.

Лучше посмотри вниз.

С высоты город лежит внизу - тёмный, мокрый, с редкими пятнами жёлтой листвы. Зуша блестит под облаками. Где-то далеко дымит труба. Ветер здесь резче, чем внизу, и пахнет рекой и прелой травой. Дождя нет уже минут двадцать, и от земли поднимается холодная испарина.

Город раскрывается иначе, если смотреть на него не из литературной комнаты, а с места старой крепости.

- Красиво.

- Осторожно.

- Что опять?

- Сейчас ты ещё скажешь: «Вот именно здесь всё и началось».

Ты раздражённо смотришь на меня.

- А разве нет?

- История поселения и крепости связана с Самородом. Но слово «именно» требует больше точности, чем у нас есть для каждого века.

- Ты способен испортить даже гору.

- Моя должность.

Мы остаёмся наверху дольше, чем нужно для фотографии. Ветер треплет куртку. Ты прячешь руки в карманы.

Нет, я не устал.

Отсюда действительно лучше видно.

На этот раз даже ты не споришь.

Перед тем как уходить из музея, я прошу тебя задержаться у городской истории XIX века.

Не потому, что нам нужен ещё один блок дат.

Наоборот.

Мне важно, чтобы ты увидел разницу между двумя Мценсками, которые сегодня постоянно накладываются друг на друга.

Один - реальный уездный город: администрация, торговля, ремесло, церкви, семьи, улицы, хозяйство.

Другой - литературный: тот, который читатель достраивает из нескольких точных деталей Лескова.

Они родственны.

Но не тождественны.

- То есть повесть всё равно помогает почувствовать город?

- Конечно.

- Но по ней нельзя вести экскурсию как по плану?

- Вот теперь правильно.

Из музея мы выходим уже с другой оптикой. Дождь начался снова - мелкий, почти невидимый, но через минуту

куртка становится влажной.

До Катерины здесь были столетия, в которых ей нечего делать. И после неё город тоже не обязан вращаться вокруг одного текста.

Это полезно физически почувствовать до Старо-Московской.

На Самороде мы ищем не «фон повести», а собственную географию Мценска.

Зуша и Мецна существуют не как литературные декорации. Высокое положение городища объясняется оборонительной логикой. Археологические слои напоминают, что человеческое присутствие здесь глубже летописной даты 1146 года, но археологический слой и первое письменное упоминание - разные типы свидетельства.

Ты уже хочешь спросить, какой из них «главнее».

Не спрашиваешь.

- Молодец.

- Я ничего не сделал.

- Именно.

Мы смотрим вниз на город. Дождь усиливается, и Зуша становится мутной.

С высоты особенно легко сочинить красивую непрерывность: вот древнее городище, вот средневековая крепость, вот купеческий Мценск, вот Катерина, вот мы.

Но между этими слоями были разрывы, перестройки, исчезнувшие сооружения, смена функций. Никакой один вид

не показывает их одновременно.

Поэтому дальше будем держать эти слои отдельно.

Где есть археология - говорим об археологии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.